

УДК 1:316
ББК 60.00

ПОЗИЦИИ И ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В.Е. Кемеров

Статья посвящена анализу положения социальной философии в современном обществе. Показано, что типы обществознания, а также его классический, неклассический или постнеклассический характер обусловлены различными трактовками социальности. Рассмотрены основные сценарии развития взаимоотношений между социальной философией и конкретными социально-гуманитарными дисциплинами. Проанализированы изменения в социально-философском знании, обусловленные проблематизацией мира повседневности.

Ключевые слова: социальная философия, социально-гуманитарные дисциплины, обществознание, социальность, повседневность.

Положение социальной философии в современном обществе остается неопределенным. А значит, и вопрос, что такое современная социальная философия, не получает достойного ответа, а характеристика самой *современности* общества – достаточного обоснования.

Существует неудовлетворенность состоянием социальной философии, которая вполне уживается с нежеланием что-либо менять в ней самой и в ее отношениях с другими дисциплинами философии и обществознания.

В официальных расписаниях предполагается, что социальная философия, как и двести лет назад (когда ее, по сути, не было), остается частью обобщающей философии. Поле деятельности определено перечнем ВАК и разрабатывается соответствующими специалистами.

В последнее десятилетие предпринимались попытки прояснить эту ситуацию. Но они не были вполне успешными, поскольку, определив тенденции и проблемы, не получили соответствующего развития в практике исследований, преподавания и контактов с общественностью [1; 3; 5]. Позиция традиционно характеризовалась как выделенное для социальной философии место, тогда как требова-

лось определить ее как воспроизводящую систему интересов, задач и функций.

К характеристике социальной философии не применялся собственно социально-философский подход (что в обычаях линейного понимания общества и его познания). Применение его создает почву для понимания того, как сформировалась современная социальная философия и каковы варианты ее изменений. Косвенным результатом этого подхода оказываются представления о *современности* философии, науки и самого общества, в котором они бытуют.

Типы обществознания

Есть ряд парадоксов, не замечаемых, как правило, в рассуждениях о позиции социальной философии.

Первый парадокс связан с тем, что знание об обществе существует тысячелетия, а научное обществознание возникает только в XIX веке. Это заметно влияет на эволюцию социальной философии.

Второй парадокс вырастает из того, что социальная философия, становясь одной из дисциплин обществознания, испытывает постоянное давление со стороны других дисциплин. Иными словами, ее методология и ее предмет строятся не так, как у экономики, социологии, психологии или культурологии. Не

так – поскольку этот предмет не выкраивается и не выделяется из какого-то общего объектного поля. Стало быть, позицию социальной философии трудно зафиксировать с помощью пространственно-вещественных определений. Плюс к этому, на разных этапах предметно-методологические взаимоотношения социальной философии и прочих дисциплин обществознания меняются и порой весьма существенно. Это важно для определения ее возможностей и путей.

Размеры статьи диктуют выбор схемы, позволяющей в самой краткой форме развернуть высказанные выше положения.

Для начала определим исторические рамки типологизации. Вопрос о соотношении общества, обществознания и социальной философии, как вопрос принципиальный, обсуждаемый, имеющий важное практическое и теоретическое значение, возникает, когда в обществе происходит очевидное оформление его подсистем, и соответственно возникает необходимость осмысливать и выстраивать новые взаимодействия между ними. Наибольшую и нарастающую значимость этот вопрос приобретает в последние два столетия.

В рамках намеченного нами исторического интервала вырисовываются три основных типа и этапа в драматическом взаимодействии общества и социальной философии:

Первый, когда появляются научные представления об обществе, и характеризуются самые крупные социальные формы, ставятся вопросы о месте и значении познания, главным образом науки, в жизни общества.

Второй, когда выясняется недостаточность философских, а затем и научных определений социальности для трактовки человеческого бытия и познания, ограниченность обобщенных представлений о научности, сложившихся в XVII–XIX вв., когда стандартное представление о познании и познающем субъекте сталкивается с усложняющимся и расширяющимся социальным контекстом.

Третий тип обусловлен радикальными сдвигами в бытовании и трактовках социальности, в принципиально новых концепциях детерминации сложных систем, в рассмотрении перспектив синтеза знаний не с точки зрения сложившейся дисциплинарной матрицы, а с точки зрения проблем повседневного бытия

людей и глобальных практических задач сохранения и развития общества.

В намечаемой типологизации неизбежно проступает *классическое* представление о познании общества, первоначально ориентированное на классическую философию с ее абстрактно-общими характеристиками бытия, познания и мышления. В этой классике социальной философии нет, но есть общая онтология, философия истории, философия права, антропология.

В середине XIX в. такая абстрактно-философская характеристика общественных процессов отступает на третий план. Казалось бы, появляется пространство для формирования социальной философии как более конкретной картины общества и его развития. Но социальная философия не в силах завоевать это пространство, поскольку оно активно осваивается научным обществознанием: экономикой, социологией, психологией, социальной антропологией и т.д. Это все еще классическая фаза, но уже не философская: формирующиеся дисциплины обществознания ориентируются на классические стандарты, но не философии, а науки, причем естественной, преимущественно классической механики.

Однако в последней четверти XIX столетия возникает новая ситуация, которая получает название *неклассической*. Главным в неклассической ситуации оказывается *отрицание стандартов* и взаимоотталкивание разных стилистик познания. На смену идее взаимосвязи приходят идеи размежевания, фрагментации, внешней дополнительности различных аспектов человеческого бытия и познания. Методологический дуализм (Дильтей, Риккерт), отделяющий и противопоставляющий установки на познание природы и общества (духа, культуры), действует и в сфере обществознания, разделяя его на социальные науки и гуманитарное познание. Возникает социально-философская проблема взаимосвязи общества и воспроизводящих его субъектов. Но она остается на периферии: ни философские, ни научные методы для прояснения этой работы еще не подготовлены.

Ситуация начинает меняться в 60-е гг. XX столетия в связи с необходимостью синтезировать качественную деятельность людей в экономике, науке, образовании, разных

формах кооперации, во взаимодействиях с природой. Формируется новый *тип* деятельности и познания, который может быть охарактеризован как *постклассический* в том смысле, что он идет после классики, преодолевает ее формы, но не отбрасывает, а перерабатывает их, включая их в более сложные, нежели в классике, системы деятельности.

Учтем, что намеченные типы не существуют в чистом виде, но намечают важные тенденции, они могут быть рассмотрены не только как этапы, но и как сосуществующие подходы. Более того, *неклассический тип* может быть рассмотрен не только как отрицание классического, но и как его завершение¹.

Вместе с тем *неклассический тип* является преамбулой к *постклассической* методологии, он четко определяет границы классических представлений и в контакте с тенденциями практики, выявившимися во второй половине XX в., помогает охарактеризовать направленность синтеза более сложных представлений о социальном процессе и формах познавательной деятельности. Такая работа не может быть проделана в поле отдельной социально-гуманитарной дисциплины. Это уже собственно социально-философская работа, поскольку возникают практические и теоретико-методологические потребности связать вопрос о том, как возможно современное общество, с вопросом о том, как возможно его познание, проектирование и конструирование.

Социальная философия и научное обществознание

Контакты социальной философии и дисциплин научного обществознания постоянно наталкиваются на множество препятствий; они не только тормозят движение, не только обнаруживают несогласуемость философских и научных форм, но и достаточно ярко характеризуют различия в режимах их бытования. Если мы захотим более полно «вести» в социальную философию материал научного обществознания, мы почувствуем, что дисциплинарные формы, в которые он упакован, всячески сопротивляются их включению в картины социального *процесса*. Это происходит

в основном потому, что дисциплинарные формы *показывают* не людей, не процессы общения, деятельности или самореализации, где люди выступают *субъектами* социальности, а *стороны, грани, подсистемы*, в которых опредмечиваются эти процессы. Каждая из дисциплин сосредоточена на *своем аспекте* социальности: он отделен от других аспектов, внеположен им и только косвенным образом – через *функции* дисциплин, скажем, социологии и истории или экономики и психологии – связан с другими аспектами, с другими предметами. А дальше просматривается особая система разделения деятельности, которая гораздо сильнее, чем вопросы о тенденциях общественной жизни и стремлениях людей, воздействует на методологические установки и научные пристрастия представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин.

Этот вариант «введения» материала научного обществознания в социальную философию выявляет как будто бы непреодолимые барьеры, но он же ставит ряд вопросов, позволяющих обрисовать перспективу дальнейшего движения. Это – вопрос о социальной укорененности традиционной системы разделения труда социально-гуманитарных наук. Это – вопрос о принадлежности системе самой социальной философии, а стало быть, о принципиальной неполноте последней. И, наконец, вопрос о социально-философском выражении проблематики бытия людей, освобожденном от «структурного насилия», производимого разделением научного труда. Последний вопрос стимулирует переключение философской ориентации на формы повседневности, фиксирующие проблематику индивидуальной и совместной жизни людей на «языках» обычных схем общения и действия.

В решении этих вопросов возможны два сценария. Первый: социальная философия дополняет работу социально-гуманитарных дисциплин своими обобщающими схемами, рассчитанными на то, чтобы компенсировать фрагментацию социально-гуманитарного знания. Это, собственно, то, что она уже пыталась без особого успеха делать в XIX и XX веках. Выгоды этого варианта в том, что он не грозит радикальными переменами участникам взаимодействия. Но и продуктив-

ность взаимодействия тогда традиционно остается под вопросом.

Второй сценарий: социальная философия разрабатывает онтологию общества как процесса, в котором стимулом и результатом оказывается полисубъектная деятельность, разделенная и связанная не разными предметами наук и дисциплин, а прежде всего разными интересами и общими проблемами людей. Реализация этого сценария представляется более востребованной, но она сопряжена и с большими, прежде всего методологическими сложностями. Связь разных социально-гуманитарных дисциплин определяется не на их границах, там по-прежнему действует принцип дополненности. Более глубокая и содержательная связь реализуется, по сути, на онтологическом уровне, когда различные дисциплины свои предметы фиксируют как разные аспекты процесса совместного и индивидуального бытия людей, а свои методы – как разные инструменты воспроизведения и построения этого процесса.

Социальная философия не имеет прямого действия на социально-гуманитарные науки: она демонстрирует тенденции прежде всего через изменения своего собственного аппарата, а тем самым и своей позиции. Переосмысливаются концепции социальности и историчности, процессуальности и кооперативности, социального и гуманитарного, социального и индивидуального. Выясняются границы каузальных, редукционистских, обобщающих методологий. Это заставляет переосмыслить социально-историческую динамику, лежащую в основе разделения труда дисциплин обществознания, а далее и многие традиционные представления онтологии, гносеологии, логики, то есть классической философии [2].

Надо заметить, что в отдельных социально-гуманитарных науках в последние 30 лет постоянно возникают дискуссии об их онтологических основаниях, не проясненных связях с «соседями», внутренней фрагментацией. Но эти дискуссии обычно ведут к повторению позиций, поскольку используют традиционные схемы представления социального бытия и социально-гуманитарной обусловленности исследовательской деятельности.

Прояснение этих вопросов вовсе не означает принижения предметной спецификой или дисциплинарного суверенитета отдельных познавательных практик. Методологии, вероятно, расскажут значительно больше *о динамике и направленности своих изменений*, когда обнаружат свою зависимость от предметности проблем, наиболее типичных для совместной и индивидуальной жизни людей современных обществ.

Тогда, собственно, можно ответить на вопрос о том, где пребывает современная философия. Она пребывает там, где осуществляется философская работа по выяснению социальных предпосылок и субъектной размерности используемых и создаваемых средств человеческой деятельности, в нашем случае познавательных средств. Работа эта может осуществляться вовсе и не философами – во второй половине XX в. мы обнаружим несколько десятков исследователей (список можно обсуждать), внесших весомый вклад в свои специальные исследования за счет переосмысления социальных предпосылок и гуманитарной ориентации своих дисциплин. Работа эта является, по сути, социально-философской, а осуществление ее – дело не только философов, но и психологов, историков, социологов, экономистов, даже естественников (Л. фон Берталанфи), осмысливающих границы своих дисциплин и преодолевающих их.

В современном мышлении все еще чувствуется действие вертикальных или пирамидальных моделей, с помощью которых описывалось бытие общества и, в частности, отношение философии и обществознания (отсюда и взгляд на социальную философию как своего рода надстройку над обществознанием). Требуются, наверно, серьезные (в том числе и методологические) усилия, чтобы представить социальную философию «внутри» обществознания, причем не только научного, но и обыденного. А вот дальше и возникает вопрос о том, как выразить *динамику взаимодействия* философских, научных и обыденных схем, не противопоставляя их, но и не редуцируя их друг к другу. Это тоже особая социально-философская работа, характер которой еще предстоит прояснить.

Социальная философия и мир повседневности

В последней четверти XX столетия повседневность попадает в «фокус» всех социально-гуманитарных дисциплин. Она диктует предметы и методы теперь уже не только гуманитарно-ориентированным направлениям исследований, но и социальным наукам (вроде социологии и даже экономики), которые еще совсем недавно придерживались классических объектных воззрений относительно устройства социального бытия.

Представления людей о предметах их повседневных забот оказываются важнее предметно-методологического разделения между дисциплинами общественности. Люди в своей обычной жизни являются стихийными холистами. Они не разделяют проблему выживания, самоидентификации или устойчивого развития на психологический, экономический, культурологический и социологический аспекты. Они нуждаются в знании, в том числе и в научном знании о своей повседневности, но это знание должно быть вписано в масштабы их опыта, адаптировано к его формам. Систематизация этого знания происходит не по стандартам разделения и связи социально-гуманитарных дисциплин, а под действием проблем, вопросов и проектов, которые вырастают из практики повседневной жизни.

Погружение социальных наук в повседневность ведет к их неизбежной гуманизации. Скажем, взгляд социолога со стороны, который он обосновывал соображением «люди не ведают, что творят», оказывается одним из вариантов повседневного представления социального бытия. Социолог, как и другие, «ведал, что он творил», только он придавал своим представлениям особый вес, как бы сдвигая на периферию обыденные представления. Теперь ситуация меняется. Образы философского, социологического, исторического знания становятся в ряд с другими картинами повседневного бытия, и их обоснованность, доброкачественность, продуктивность должны быть доказаны во взаимодействии с другими представлениями повседневности.

Взаимодействие социальной философии и мира повседневности может развиваться по различным сценариям. Представим два

наиболее вероятных и уже, по сути, реализующихся сценария:

Первый сценарий. Социальная философия (и социально-гуманитарные науки) принимает правила, по которым «играет» повседневность. Они приспособляются к непосредственно прагматическим потребностям и интересам, к действующим структурам, отказываются от своего творческого и критического потенциала, упрощают работу своего теоретико-методологического аппарата до уровня ближайших целей. Сбывается мечта критиков научной рациональности, феноменологов и психологов, настаивающих на непосредственном переживании жизни «здесь и сейчас». Социальная философия из набирающей вес университетской и академической дисциплины превращается в «гламурное приложение» к разного рода образовательным и информационным услугам, предлагаемым не очень разборчивым заказчикам и покупателям [4]. То же самое происходит и с другими социально-гуманитарными дисциплинами. Социологи, например, формируют особую область публичной социологии, рассчитанной на более плотный контакт с общественностью, но вынуждены обсуждать отрицательные результаты этого взаимодействия. Желание «польститься» повседневности и быть более вовлеченной в нее грозит социологии отождествлением с формами обыденного мышления и потерей специфики, а стало быть, и позиции [6]. Неразличимость позиции профессионального социального исследователя приводит и к утрате интереса к нему со стороны субъектов повседневных взаимодействий, и к потере какого бы то ни было социального значения. Но вовлеченность философии и науки в структуру повседневности может приобретать принципиально иной характер.

Второй сценарий. Важной задачей для философии и научного общественности становится конкретизация взглядов на мир повседневности. Оказавшись «внутри» этого мира, общественность, обладающее различными средствами фиксации и описания социального бытия, по ходу своего погружения в обыденность отображает многообразие этого мира, его неоднородность, его несводимость к некой абстрактной характеристике повседневности. Повседневность

«в общем виде», напоминая, кстати, метафизическое представление бытия или социальной реальности «в общей форме», перестает быть некой метафизической сущностью, философским клише, журналистским штампом.

«Погружение» научного обществознания в мир повседневности привело к заключению о том, что повседневность сложно устроена. Она структурирована, содержит системы жестких и гибких форм, использует особого рода гипотезы, объяснения и предсказания. В некотором смысле она напоминает научную концепцию: у нее есть «твердое ядро», то есть воспринимаемая акторами, как некая аксиоматика, совокупность ценностно-нормативных допущений, у нее есть частные концепции для отдельных аспектов поведения людей, есть свои теории «на случай». Структура эта обустроена особыми формами классификации и типизации, намечающими для индивидов карту ситуации или картину социального мира. Собственное поведение индивида опирается на воспроизводящую совокупность ожиданий, ориентаций, функций, статусов, ролей, установок, связанных некоей скрытой логикой.

Одна из попыток обнаружения этой логики была сделана посредством структурно-функционального анализа. В результате оказалось, что эта логика обслуживает простое воспроизводство социального порядка. Там, где этот режим себя исчерпывает, начинает работать логика другого типа. С этой логикой обществознание столкнулось в 70–80-е гг. прошлого столетия. Результатами этого столкновения явились и кризис функционалистских моделей повседневных взаимодействий, и обнаружение проблем методологии обществознания, далеко выходящих за рамки классических научных представлений.

В данном случае важно отметить, что за открытием сложной структурированности повседневного бытия последовало открытие разных типов повседневности, а вслед за этим обнаружилась проблема ее множественности. Повседневность перестала быть единым миром и предстала в разнообразии своих миров.

В пределе это означало, что отдельная дисциплина обществознания может рассматриваться как относительно замкнутый мир

повседневности, в котором «парадигма», традиции, обычаи, конвенции, общепринятые «понятия» значат для ее воспроизводства гораздо больше, чем объективно-теоретические характеристики предмета исследований. В этом плане социология, например американская социология структурно-функционального анализа или российская социология позитивистской ориентации, может быть описана с позиций социальной антропологии как особые субкультуры, опирающиеся на специфические социальные, исторические, повседневные-поведенческие формы.

Такая проблематизация повседневности – заслуга прежде всего научного обществознания, поскольку оно на этом этапе было вынуждено преодолеть научные и обыденные стереотипы о сводимости науки к формам повседневности и о некоей метафизике повседневности, редуцирующей различные ее регионы к неким универсальным характеристикам. В некотором смысле это произошло благодаря тому, что наука сохранила дистанцию с повседневностью, чувствительность своего традиционного исследовательского аппарата и попыталась нащупать новые средства исследования, уместные в этой ситуации.

Другим важным фактором расколдовывания повседневности оказалась возросшая плотность контактов и конфликтов в современном социальном мире. Разные регионы повседневности сдавливаются, пересекаются и «наезжают» друг на друга. Их прежняя жизнь в тени «Больших структур» и «Больших теорий» заканчивается трансформацией последних. Прежние границы перестают выполнять привычные функции разделения и соединения. Общество более не привязано к территории, субкультура – к месту, личность – к функции. Социальная структура более не вещь, а социальное взаимодействие не заранее определенная форма.

Проблема науки в этой ситуации – прояснить различия между регионами повседневности. Прояснение различий есть условие возможности организации связи между ними. Однако социально-гуманитарные науки – в силу традиций разделения труда – пока не готовы к такой работе. Их традиция – сводить различия к общему. А здесь задача – построить общее, исходя из различий.

Проблема социальной философии и заключается в том, как поставить эту задачу. Внешняя задача заключается в разработке онтологии, представляющей отдельные социально-гуманитарные дисциплины как различные формы деятельности людей с соответствующими им предметами и инструментами.

Внутренняя задача заключается в переработке традиционных философских концепций взаимосвязи общего и особенного, абстрактного и конкретного, социального и индивидуального, системного и структурного, процессуального и предметного. Нужен логико-методологический аппарат, ориентированный на воспроизведение бытия как процесса, как полисистемного взаимодействия, как полисубъектной связи, спасающий нас от грубых онтологических эскизов.

Позиция социальной философии перестает быть местом где-то на вершине пирамиды, создававшейся традиционной философией. Но она перестает быть и местом в системе разделения труда социально-гуманитарных наук, сектором обобщений и абстрактных определений общества. Она – не место, она – форма деятельности, преобразующая систему разделения труда и традиционную философскую методологию для целей проблемного и человекообразного отображения динамики социального бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Позитивистская программа оказывается реализацией классической формулы получения обобщенного знания, но с обязательным учетом того, что она ориентирует редукцию бытия и познания людей не на философские постулаты, а на формы опыта, улавливающие логику вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дело философии в постклассическую эпоху. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2002. – 192 с.
2. Кемеров, В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 61–78.
3. Кемеров, В. Е. Социальная философия в современном мире / В. Е. Кемеров // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. IV, вып. 3–4 (13–14). – С. 66–79.
4. Сунягин, Г. Философия в университетском сообществе / Г. Сунягин // Нева. – 2011. – № 2. – С. 147–156.
5. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 2004. – № 7.
6. Furedy, F. Recapturing the sociological imagination: The challenge for public sociology / F. Furedy // Handbook of public sociology / ed. by V. Jeffries. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2009.

POSITIONS AND WAYS OF CONTEMPORARY SOCIAL PHILOSOPHY

V.E. Kemerov

The article is devoted to the analysis of the social philosophy state in contemporary society. The author shows, that types of social science and its classical, non-classical or post non-classical character is stipulated by various interpretations of sociality. The author considers basic ways of relationship development between social philosophy and concrete humanities and social sciences. The author analysis changes in social and philosophical knowledge stipulated by daily occurrence problem.

Key words: *social philosophy, humanities and social sciences, social science, sociality, daily occurrence.*